

МОНГОЛЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ - - ГРОЗНАЯ СИЛА?

MONGOLS IN EAST. EUROPE - A GREAT FORCE?

G. Popov

Annotation

The problem of the Mongolian conquest of Russia is in the article research. It is hypothesized that the victory of the Mongolian conquerors over the feudal societies of Catholic Europe was hardly possible due to technical and demographic factors. The author puts forward the idea that the ulus Juchi had the opportunity to mobilize from 5 to 9 thousand soldiers, which is much less than it was in all European monarchs or even have their separate coalitions. The author strongly opposes received in recent years, the popularity of the concept of the Union of Eastern Russia and the Mongol Empire.

Keywords: Mongolian Empire, the invasion of Baty, Mongolian period of Russian history.

Попов Григорий Германович

*К.э.н., доцент, Московская академия
экономики и права, ст. преподаватель
кафедры организационного развития РГГУ*

Аннотация

В статье рассматривается проблема монгольского завоевания Руси. Выдвигается гипотеза, что победа монгольских завоевателей над феодальными обществами католической Европы была едва ли возможна в силу технических и демографических факторов. Автор выдвигает идею, что улус Джучи имел возможность мобилизовать от 5 до 9 тысяч воинов, что намного меньше, чем было у всех европейских монархов или даже у их отдельных коалиций. Автор категорически выступает против получившей в последние годы популярность концепции союза Восточной Руси и Монгольской империи.

Ключевые слова:

Монгольская империя, нашествие Батые, монгольский период русской истории.

Монгольский фактор в истории Вост. Европы до сих пор вызывает споры. В конце прошлого века произошел резкий поворот в оценке последствий монгольских походов для Руси в сторону концепции "русско-монгольского союза". Тем не менее, мы считаем, что монгольское завоевание и все, что его сопровождало, стало частью многовекового процесса особого пути неевропейских народов Евразии, а также значительной части восточноевропейских обществ. Власть монгольской империи стала катализатором отставания в конце Высокого и Позднего Средневековья этих народов. Католическая Европа избежала, как мы считаем, завоевания в силу военно-технического превосходства над Востоком.

Именно в XII – XV вв. формировался тот вектор социально-экономического развития, который приведет Запад к господству в XIX – первой половине XX столетий, а Восток и остальной мир – к отставанию. К XV веку на Западе формируются те методы ведения войны и производства вооружений, которые позволят конкистадорам покорить Америку, а в последствии голландским, португальским, английским и французским авантюристам открыть процесс европейской колонизации. В Италии образуются институты раннего капитализма и технология строительства океанских судов. Русь оказалась на периферии этих процессов.

Киевский период можно охарактеризовать как время

застоя после краткого рывка в развитии. Новгородцы освоили при помощи, вероятнее всего, скандинавов строительство ушкуев – речных судов, но дальше этого дело не пошло, мореплавание так и осталось для русских недосягаемым вплоть до эпохи Петра I. Технологию мельниц русские получили от немцев, но вплоть до конца уже монгольского периода она так и оставалась "мертвой". Арбалет появился на Руси незадолго до монгольского нашествия, но вплоть до эпохи Дмитрия Донского так и являлся "диковинным" оружием высшей знати, то же самое касается доспехов, которые получили широкое распространение уже в постмонгольский период. Сословная структура, являвшаяся оптимальной для средних веков формой разделения труда, начала образовываться на Руси только на исходе монгольского периода.

Русь киевского периода является застывшей Скандинавией викингов. Как и в случае с Древней Скандинавией, на Руси вначале образовалась основанная исключительно на военном превосходстве одного из племен империя, которая быстро распалась, оставив после себя более двух сотен княжеств, каждое из которых было привязано к конкретной речной системе. Как и в случае с дохристианской Скандинавией мы видим слабые государственные образования, не имевшие ни территориальной администрации, ни собственных денег, ни развитой для того времени налоговой системы. Русские города были привязаны в основном к торговле, а не к производству, и только в Северо-Восточной Руси при Андрее Боголюб-

ском можно увидеть рост именно промышленных центров, прочно встроены в местные рынки.

Фактически Русская государственность в киевский период – это какая-то переходная от вождества к государству форма. Разумеется, такая общественная система не смогла бы выстоять против монгольских войск.

Долгое время считалось, что Русь стала щитом для Европы, удар о который сильно ослабил монгольские войска. Сама же Монгольская империя была представлена как могучее государство, против которого не могла выстоять ни одна держава того времени. Это положение в свое время попытался опровергнуть Л.Н. Гумилев, правда, сделал это неумело, заложив много субъективного в свою теорию. Под его пером монголы превратились в "благородных полисменов" Евразии, которые навели в ней порядок, а русские князья в недалеких забияк, не понявших грандиозный замысел "великого кормчего" средневекового Востока – Чингисхана.

Тем не менее, в своей концепции Л.Н. Гумилев впервые поставил принципиально новые вопросы и попытался на них ответить, это, насколько велика была военная мощь Монгольской державы и что предопределило военное превосходство монголов, насколько были существенно противостоявшие им политические системы, и была ли политическая раздробленность Руси главным фактором ее поражения в конфликте с Джучидами?

Действительно, Русь столкнулась не со всей империей монголов, а с ее самой западной и не самой развитой в военном и экономическом аспектах частью – улусом Джучи. Согласно завещанию Чингисхана, Джучи получил территорию, в которой было 9000 юрт, или семей кочевников. Вся Монгольская империя, судя по завещанию, состояла из 44,5 тысяч юрт [3, с. 229], разумеется, только меньшинство из них были чисто монгольскими. Каждая семья кочевников могла выставить в среднем одного воина (семья номадов насчитывала в среднем 5 человек). При этом половина всех призванных в войско шло служить во вспомогательные войска [3, с. 236].

Таким образом, Бату имел под своим началом максимум 9000 воинов из непосредственно своего улуса. Были подкрепления и из самой Монголии, но они не являлись значительными, так как монголам необходимо было вести борьбу с китайцами, контролировать завоеванные народы Азии и иметь резервы.

Из девяти тысяч юрт улуса Джучи примерно четверть могла быть без лошадей, то есть, лошади у них были, но арендованные, если можно так выразиться относительно экономики кочевников тех времен. Лошади изымались для военных целей только у семей с большим и средним достатком, мобилизация лошади у бедных семей означала голодную смерть для последних. Обычная норма военного налога у монголов была одна лошадь из стада в сто

голов. Разумеется, таким стадом владела даже далеко не средняя семья кочевников. Обычная минимальная норма для семьи номадов – 25 лошадей, правда, бывало и намного меньше.

Норма мобилизации – одна лошадь из ста – есть наше гипотетическое предположение. Мы очень мало знаем о налоговой системе Монгольской империи. Налоги там были прямые, среди них наиболее распространенным являлся копчур. Это – натуральная повинность в форме передачи всем улусом в пользу бедных родов взятых у богатых родов овец в пропорции одна голова со всего стада [6, с. 260]. Но есть упоминания, что копчур распространялся у монголов не только на овец, но и на лошадей [6, с. 260].

Чингисхан, очевидно, повысил нормы копчура, но когда точно, невозможно сейчас сказать, так как хан Мунке в 1253 году запретил его взимать с тех семей, которые владели менее, чем ста животными. Поэтому мы можем предполагать с высокой долей уверенности, что монгольские семьи должны были отдавать одну лошадь из ста для нужд улуса, причем, не обязательно для военных целей.

Исходя из данных по исследованию обществ номадов в XVIII – XIX вв., семья казахов среднего достатка владела табуном в 30 – 50 лошадей [6, с. 54]. Такое количество лошадей, явно выше необходимого минимума, объясняется обязанностью помогать бедным соплеменникам и обеспечивать воспроизводство лошадей. Опираясь на норму в 30 – 50 лошадей, можно заключить, что во времена завоеваний Чингисхана и позднее, в эпоху Хубилая, 2–3 семьи кочевников среднего достатка были в состоянии выставить воина при одной лошади. Но лошадей должно было быть минимум две на одного отправляющегося в поход всадника. Таким образом, в лучшем случае на 4–6 семей приходился один воин, если только не помогали богатые через систему копчура. Но вопрос, сколько у номадов было средних по достатку семей, а сколько богатых? Ведь богатые кочевники владели большими табунами гораздо больше 50 лошадей.

Определившись с имущественной структурой кочевников Монгольской империи, мы сможем определиться и с численностью их войска, так как последняя зависела от возможностей в мобилизации лошадей. Нам это непросто сделать, если обращаться только к данным археологических исследований Монголии и Забайкалья, так как номады там не имели обычая хоронить своих умерших вместе с лошадьми и дорогими предметами, включая оружие. Поэтому нам надо обращаться к археологическому материалу по другим номадам.

Черные клобуки стояли по своему социальному развитию примерно на том же уровне, что и монголы незадолго до начала экспансии в Северный Китай. Согласно исследованиям С.А. Плетневой, только 1,5% черных клобуков относились к разряду аристократии, что подразу-

мевало возможности иметь саблю, доспехи и стадо лошадей численностью более средней нормы [2].

Если исходить из максимальной научной оценки численности монголов в 400 тыс. человек (80 тыс. семей) на начало XIII в., то богатых семей там должно было быть не более 2000. Тем не менее, по завещанию Чингисхана, мы видим, что всех кочевников в его империи было почти вдвое меньше, около 220 тыс. чел., что дает нам около 600 богатых семей, то есть, всей кочевой аристократии от Амура до Черного моря.

Правда, знатные семьи кочевников могли обладать крупными табунами лошадей. По данным китайских источников, ойратские ханы в XVII веке подносили тибетским верховным ламам в дар до 10 тыс. лошадей. Правда, не уточняется, конечно, были ли эти лошади изначально их собственностью, либо это есть результат изъятий у населения. Вероятнее всего, имело место последнее, так как известно, что жена ойратского хана Очирту-Цецена владела стадами в 20 тыс. крупного и мелкого скота, из них лошадей могло быть не более половины [1].

Вопрос, зачем ойратским ханам требовалось такое количество лошадей? Причин было несколько, во-первых, обеспечение собственных военных контингентов лошадьми, во-вторых, помощь своим бедным соплеменникам, обычай, уходящий своими корнями в древность, в-третьих, торговля, лошадей обменивали на рис, посуду, оружие, одежду и предметы роскоши. По тем же китайским источникам, ойраты в XVII веке могли пригнать в их города на продажу порядка 30 тысяч лошадей.

Высокая концентрация лошадей у знатных кочевников имела место не только среди ойратов. Богатые киргизы в XVIII веке владели табунами лошадей в 5–10 тыс. голов. Однако большинство киргизов имело мало лошадей, что вынуждало их брать в аренду скот у богатых.

Если даже предположить, что каждая аристократическая семья кочевников в империи Чингисхана владела табуном в пять тысяч голов, что, конечно, очень маловероятно, то в случае мобилизации одной из ста лошадей монголы могли выставить не более 15 тысяч всадников. С учетом остальных кочевников это число могло возрасти где-то до 30 тысяч воинов, но даже это едва ли было возможно.

Принимая во внимание, что Джучи получил 9000 юртов, армия Бату, исходя из приведенных нами выше расчетов, не могла насчитывать более 6000 человек. Учитывая резервы и не способных служить в войске по состоянию здоровья (таковых у кочевников было немало), весь военный потенциал улуса Джучи едва ли превышал четыре тысячи воинов. Контингенты пришедших на помощь из Монголии князей должны были составить максимум 2000 человек. Реально целый улус в Монголии выделял для наступательной войны не более тысячи воинов,

на помощь Бату из Монголии пришли два князя, вероятнее всего, каждый из них собирал контингент в своем улусе.

Итак, с силами в примерно 6000 человек (максимальная оценка) Бату намеревался покорить Русь и всю Европу. Включение завоеванных народов носило ограниченный характер. Дело в том, что монголы действительно брали на войну своих рабов либо насильственно привлекали иностранные контингенты, однако они чаще всего выполняли функции гарнизонной и пограничной стражи. Возможно, Чингисхану и удалось удержать в повиновении Северный Китай благодаря отрядам китайцев, которые находились в давнем конфликте с главным противником монголов чжурдженями, владевшими до походов Чингисхана Северным Китаем. В армии Хубилая главной ударной силой были только монголы, или точнее те, кого этот император считал таковыми. Присоединение к армии кочевников контингентов от замледелельческих народов было еще и технически сложным делом, так как процент конных воинов у них был невелик, а по уровню подготовки их кавалеристы уступали номадам.

Длительное время считалось, что Бату отказался от завоевания Европы в 1242 году в силу того, что в Монголии начались новые выборы хана. Мы не согласны с этим мнением. Бату не располагал к тому времени столь крупными силами и влиянием в империи, чтобы кардинально повлиять на выборы, напротив, появляться в Кара-Коруме ему было опасно. Не понятно, если отказ от движения на Запад был вызван только выборами, то почему Бату не повторил свой поход после их завершения, а стал брататься с Даниилом Галичским, главным своим противником, а также искать дружбы или, может быть, мира с Ярославом Всеволодовичем.

Подумаем, Венгрия разгромлена, Польша понесла большие потери, сопротивление Руси сломлено, заставить русских сражаться на своей стороне монголам не составило бы труда, Киев в руинах, словом, все условия для успешного завершения начатого у Бату имелись, однако он отказывается от экспансии в западном направлении и начинает укреплять свой улус.

Все описания последующих экспедиций монголов улуса Джучи против Польши и Венгрии рисуют нам картину обычных набегов кочевников на земледельцев. Даже при могущественном темнике Ногае ордынцам так и не удалось нанести серьезные поражения западным монархиям. Несколько иная картина была на Руси.

После поражения русских княжеств в борьбе с монгольскими завоевателями наступает время затишья. Даниил Галичский и Ярослав Всеволодович вступают в вассальные отношения с Бату (хотя, князь Ярослав, вероятно, просто заключил временное перемирие, а за окончательным мирным договором поехал в Монголию). Михаил Черниговский погибает от рук людей Бату, именно этот

князь был наибольшим приверженцем союза русских с латинской Европой, а не Даниил Галицкий, которого евразийцы превратили в первого западника. Но через несколько лет после смерти в Монголии Ярослава Всеволодовича его сын Александр Невский привел в русские земли баскаков, когда после штурма Рязани армией улуса Джучи прошло почти 20 лет. Это – загадка, которую не могут разрешить многие историки уже несколько десятилетий.

Дело в том, что к 1250 году Русь не только смогла успешно отразить агрессию рыцарских орденов и шведов, но и собрать силы для контр-наступления. Правда, почему-то русских князей очень редко интересовал непосредственно захват территорий, контролировавшихся немцами, хотя к этому у них имелись все возможности.

Как ни странно покажется, но именно сторонником русской экспансии на Запад до монгольского вторжения являлся Даниил Галицкий, он пытался в 1235 году отбить у крестоносцев Пруссию.

Действия Александра Невского не совсем понятны. Евразийская версия, что он пытался установить союз с улусом Джучи, чтобы получить гарантии безопасности на западных рубежах, выглядит надуманной. Агрессия рыцарей и шведов, напомним, была отражена. Тем более, новгородцы и до этого часто сталкивались с куда более серьезными угрозами с Запада и решали военные проблемы, с этим связанные.

Наша версия, которая имеет пока что слабые основания, Русь потерпела поражение в новой войне с монголами, которую летописцы представили, исходя из своих более поздних политических мотивов, как некое восстание князя Андрея, старшего брата Невского, против воли хана.

Знаменитый поворот войска Бату был продиктован, на наш взгляд, большими потерями монголов в Чехии и Польше. Не останавливаясь подробно на этой теме, которая освещена автором в других работах [4,6,7], скажем только, что монгольский лук был едва ли эффективен против двойной брони европейских рыцарей. Двойная броня – военная инновация Запада эпохи Крестовых походов, она обеспечила успех крестоносцам в противостоянии с вооруженной хорошими луками легкой арабской конницей.

Писавшие о столкновениях рыцарей с монголами католические монахи никогда не были участниками тех событий и создавали свои произведения, вероятно, на основе воспоминаний уже детей и внуков реальных участников, исключая, разумеется, неудобные эпизоды, а также учитывая неоднозначное отношение церкви к некоторым династиям и отдельным монархам.

Вероятно, реальным победителем монголов в Европе был чешский король Вацлав I. Именно он предпринял серьезную попытку создать централизованное государство в Вост. Европе. В 1212 г. его отец Пржемысл I получил, так называемую, "Буллу Сицилийскую", то есть, право на независимое от германских императоров и католической церкви избрание короля дворянством, разумеется, кандидатура монарха предлагалась из числа представителей правящей фамилии. Кроме того, по булле, чешские короли получили право инвеституры – утверждения епископов, а это то, из-за чего столетиями конфликтовали германские императоры и папы, последние были, естественно, категорическими противниками инвеституры.

Здесь – то, на наш взгляд, и надо искать корни того описания событий в католической Европе в 1240 гг., которое дала церковь, иных источников на сегодня мы не имеем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). Издательство "Наука", Москва, 1964.
2. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
3. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб: Петербургское лингвистическое общество, 1997.
4. Попов Г.Г. Социально-экономическое развитие и историческая демография Руси IX – начала XV вв. М.: Издательство МГОУ, 2011.
5. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2008.
6. Черемных О.А., Попов Г.Г. Евразийская концепция истории России средних веков. Воскресенск: ООО "Позитив", 2011.
7. The main aspects of historical demography and economic development. Saarbruecken: LAMBERT Academic Publishing, 2012.